

УДК 1 (091)

ПОПЫТКИ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Чельшев П.В.

*Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»,
Москва, e-mail: simeon5@rambler.ru*

В данной статье обсуждается вопрос об исторических попытках «улучшения» обыденного сознания на основе эстетического, этического, рационалистического и религиозного принципов организации жизни. Делается вывод о невозможности полного и окончательного преобразования обыденного сознания, которое было, есть и будет фундаментом повседневной практической жизни, как отдельного человека, так и общественного бытия в целом. В наибольшей степени проблему духовной трансформации обыденного сознания решает религия, в которой человек прямо обращается к Абсолюту.

Ключевые слова: обыденное сознание, эстетика, этика, религия, рационализм, духовное преобразование

ATTEMPTS TO IMPROVEMENT OF ORDINARY CONSCIOUSNESS IN THE HISTORY OF CULTURE

Chelyshev P.V.

National University of Science and Technology «MISIS», Moscow, e-mail: simeon5@rambler.ru

This article discusses the historical attempts to «improve» ordinary consciousness based on aesthetic, ethical, rationalist and religious principles of organization of life. The author came to the conclusion about the impossibility of a full and final transformation of ordinary consciousness that was, is and will be the foundation of practical everyday life of both the individual and social life in general. The greatest problem of the spiritual transformation of ordinary consciousness is tackled by religion in which people directly refer to the Absolute.

Keywords: common sense, aesthetics, ethics, religion, rationality, spiritual transformation

В пределах западноевропейской культуры обыденное сознание было объектом пристального внимания философов, богословов и искусствоведов от древности до сегодняшнего дня. В XX столетии проблема повседневного сознания и здравого смысла становится особенно популярной и значимой в западноевропейской философии в связи с кризисом культуры. Свообразным ответом на этот духовный кризис западного мира стала концепция интегральной йоги Ауробиндо Гхоша [2]. В России к анализу обыденного сознания исследователи обращались с разной интенсивностью весь двадцатый век. Были достаточно полно исследованы его природа, структура, функции и место в общественной жизни. В советские времена рассматривалась возможность «онаучивания» обыденного сознания. Однако вопрос о способах духовного преобразования обыденного сознания оставался в тени. Лишь последние десятилетия эта тема стала подниматься в религиозно-философской литературе [12; 14].

В данной статье обыденное сознание рассматривается в качестве атрибута общественного человека, осуществляющего свою повседневную жизнедеятельность на основе практического интереса. Обыденное сознание генетически и функционально находится в непосредственной взаимосвязи с повседневным бытием человека и общества. Дру-

гие формы общественного сознания и компоненты духовной жизни рано или поздно «эмансипируются» от практики. Существенная черта обыденного сознания – интегральность функций, когда преобразовательное, познавательное, эстетическое, этическое и религиозное отношение к жизни объединены на основе практического интереса. Это дает возможность человеку приспособиться к жизни и адекватно ориентироваться в мире на житейском уровне. Обыденное сознание не исчезает с появлением специализированных форм общественного сознания, поскольку остаются неиспользованными те функции, которые оно выполняло в практической деятельности. «Эмансипированные» формы общественного сознания не могут полностью удовлетворить потребности материального производства не только в его индивидуальной, но и во всеобщей форме, не говоря уже о бытовой жизни. Необходимо сознание, исходящее из непосредственной близости к практике. Это – обыденное повседневное сознание. Повторим, человек подходит к решению своих бытовых проблем практически, а не теоретически. Поэтому речь может идти не о полном исчезновении обыденного сознания, а всего лишь о сужении сферы его применения, об отмирании некоторых его наиболее косных элементов, предрассудков, о моральном исправлении и в некоторой степени о духовном преобразении.

Тем не менее, в истории культуры можно найти множество попыток усовершенствования обыденного сознания. Видно, что уже в далеком прошлом человечество, недовольное жизнью в ее обычном обыденном применении, часто стремилось возвысить ее до какого-то духовного идеала. Причем, в каждом конкретном случае предлагались разные пути достижения нового сознания. Почему так? По той простой причине, что каждый народ имеет свои национальные особенности характера и душевного устройства, приводящие к господству той или иной формы общественного сознания в социальной жизни человека. То одна, то другая форма общественного сознания начинает доминировать над другими формами, как бы «цементируя» воедино все другие элементы общественного бытия. Обыденное сознание, не являясь исключением из правила, в наибольшей степени испытывало влияние «ведущей» или «доминантной» формы общественного сознания. В качестве такой доминанты обычно выступали эстетическое, этическое, религиозное сознание, которые исполняли роль конституирующего фактора в деятельности общества и человека.

Эстетический принцип

Древние греки пошли по пути эстетического преобразования человека, поставив принцип красоты на первое место в культуре. Особенно ярко эта тенденция прослеживается в Афинах классического периода, куда в начале V века до Р.Х. переместился центр духовной жизни греческого мира. То была Греция гениального Эсхила и Софокла, великого Фидия и знаменитого Поликлета. Такое эстетическое отношение к миру сложилось только потому, что было личным дарованием греческого народа, понимавшего и ценившего красоту в разных формах ее проявления. Чуткое отношение к прекрасному было свойством их природы, чертой национального характера. Недаром Древняя Греция стала родиной классических форм искусства (литературы, архитектуры, скульптуры).

Причиной всеобъемлющего эстетизма было само отношение греков к красоте. В связи с этим вспомним историю с Еленой Спарганской, которая всегда была правой, что бы ни делала. Почему? По той простой причине, что красота для греков была всегда нравственно неподсудна. Она не подлежала суду человеческому. Здесь чувство красоты и наслаждение красотой было определяющим и доминировало над разумом, нравственностью, практичностью. Когда Елена, виновница кровавой войны, появилась на

стенах Трои перед старцами, то вызвала у них чувство безмозглой растроганности и восторга. Старцы между собой говорят:

«Нет, осуждать невозможно, что Трои сыны и ахейцы

Брань за такую жену и беды столь долгие терпят;

Истинно, вечным богиням она красотою подобна!» [5, Илиада, III 156–159].

Греки, конечно, имели свои представления о морали и религии, и даже выработали идеал калокагатии [10], но, в конечном счете, все сводили к красоте, все стремились выразить в ее образах. Это имело самые серьезные последствия. Без сильного характера, воли, самоконтроля, нравственной дисциплины жизнь очень быстро извращается и иссыкает [6]. Афины истожили свой жизненный потенциал, свою духовную силу всего за одно столетие. После Пелопоннесской войны (431–404 до Р.Х.) и смертоносной чумы моральные силы афинян были окончательно подорваны. Они получили удар, от которого уже не смогли оправиться. Позднее греки обратились к философским поискам смысла жизни. Но развращенный народ уже не хотел, да и не мог слушать нравственные поучения выдающихся философов. Повернуть историю вспять оказалось невозможно. Как отдельный человек, так и нация в своей естественной истории проживают только одну жизнь, уступая место другим народам, если не может вовремя отвечать на вызовы бытия.

Этический принцип

Не менее интересен духовный опыт Спарты и Рима, решавших проблему совершенствования человека с другой стороны. То был уникальный этический эксперимент по воспитанию волевого характера, господствующего над всякими сентиментальными чувствами и настроениями. В этом они отлично преуспели. Вошли в историю триста спартанцев, покоривших мир своим мужеством и силой. А римляне смогли навязать свою волю и общественный порядок большинству народов древнего мира, создав силой оружия огромную империю. Однако «сильный характер» спартанцев и римлян на фоне изысканных афинян отличался бедностью философской и научной мысли, искусства и литературы. Ведь, как известно, спартанцы допускали в качестве единственного эстетического элемента своего продуманного этического воспитания только военную музыку и поэзию. Впрочем, и в этой области они оказались духовными импотентами. Известно, что они регулярно при-

глашали со стороны поэтов и музыкантов по мере необходимости, поскольку своих у них не было.

В этом плане можно вспомнить и древнееврейскую культуру, которая в борьбе за нового человека также сделала ставку на суровую, не знающую компромисса религиозную этическую программу. Все началось с того, что древнееврейский пророк Моисей на горе Синай принял от Бога десять основных заповедей. А всего еврейскому народу было дано 365 запретов на каждый день года и 248 повелений по числу органов человека. У евреев возникало ощущение, что Господь ничего в мире не оставил без Заповеди, что Израиль окружен заповедями со всех сторон [11, с. 169]. Но, как свидетельствует апостол Павел, «закон ничего не довел до совершенства» [10, Евр. 7, 19]. Только отдельные представители еврейского народа (пророки) поднимались на высоты морального и духовного совершенства.

Несмотря на определенные достижения в истории, печальный конец этих этических и эстетических культур свидетельствует об их односторонности. Такие цивилизации уходят с исторической сцены, либо ничего не оставив после себя, как Спарта, либо погружаются в пучину разврата, как поздний имперский Рим и эллинистическая Греция, либо вырождаются в знаменитое еврейское фарисейство и в законничество. Почему так? Видимо потому, что идеалы морального сознания были всегда трудноисполнимы и отдалялись от непосредственной жизненной практики. Закон лишь *обнаруживал* тот или иной грех, фиксировал ту или иную страсть, но был *бессилен* помочь человеку бороться с неправдой этого мира, даже если человек искренне стремился к нравственной правде. Апостол Павел буквально плачет от чувства бессилия при виде господства греха над ветхозаветным человеком. «Не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех» [10, Рим. 7, 15–25; 8, 1]. Поэтому апостол Павел оправдывается уже не своей силой и не Законом, но Христом, победившим грех и смерть.

Принцип рационализма

Новоевропейская культура избрала иной путь. Она пошла по дороге рационализма, поставив во главу угла человеческий разум и его лучшее детище – науку и философию. Наука и философия устремились к тотальной рационализации жизни. И нет сомнения, что разум смог сделать почти невозможное, создав современную техни-

ческую цивилизацию. Но данный процесс был сложен и противоречив. Дело в том, что видимые достижения и успехи в организации жизни скоро обернулись для человека значительными трудностями в духовной области, с которыми столкнулся в XX и в начале XXI века весь мир. Так, по мере развития капиталистического общества утверждалось всевластие денег, и утрачивался интерес к личности. Человек становился средством для увеличения капитала, «говорящим орудием», вещью наряду с другими вещами. Поэтому вера в безграничные возможности разума, свойственная людям предшествующих столетий, сегодня значительно поубавилась. «Разум, – совершенно справедливо констатирует Л. Шестов, – столько раз обманывал нас, что, в сущности, у нас есть все основания так же мало доверять ему, как и внешним чувствам, которые, как показывает повседневный опыт, являются еще более обманчивыми» [15, с. 44].

Многим стало ясно, что любая рациональная система будет терпеть неудачу в силу иррациональности и сверхрациональности жизни. От этого, как бы сказал Хайдеггер, человеку делается просто жутко. И этот ужас безысходности все больше беспокоит самонадеянную душу современного человека, заставляя его отказаться от поисков смысла бытия и вернуться к жизни обывателя. Этот факт говорит сам за себя. Кризис западноевропейской рационалистической культуры был зафиксирован многими современными мыслителями [16; 18]. А выход из кризиса искали в реабилитации «жизненного мира» (Э. Гуссерль). Но подобные призывы есть очередная утопия, ибо назад пути нет. Может быть, религия решит проблему?

Религиозный принцип

Религиозная возможность изменения человека была всесторонне апробирована в ряде стран, например, в Древней Индии, в Средние века на Западе и в России. Совершенно очевидно, что в религии человек прямо и непосредственно устремляется к высшему Идеалу, к Абсолюту, к Богу. Здесь человек имеет шанс преодолеть повседневную рутину жизни, утверждая себя в вечности.

Древние индусы перепробовали самые разнообразные пути религиозного обновления сознания и жизни, сосредоточившись на мистике индивидуального спасения. Важно, что они смогли придать религиозный импульс к преобразению всем сторонам человеческой природы. Так, представители хатха-йоги пытались достигнуть духовного совершенства путем тренировки физического тела. Последователи карма-йо-

ги или «йоги деятельности» шли путем воспитания воли. Бхакти-йога развивала эмоциональную сторону человека путем любви и преданного служения Богу. Жнани-йога тренировала ум человека, а «царская» раджа-йога вела человека к Богу через мистический экстаз – самадхи [4]. Но, несмотря на религиозное подвижничество, Индия не смогла полностью одухотворить жизнь человека. Не справилась с этой задачей даже интегральная йога Ауробиндо Гхоша (1872–1950), объединившая в единое целое все традиционные виды йоги [2; 12].

Христианские народы получили новый импульс к обновлению, восприняв сверхъестественное Откровение [3]. История христианства показывает, что идеал духовной жизни охватил людей всех сословий и был достигим с помощью исторической Православной Церкви. Многие люди успешно уже прошли по этому пути. Казалось бы, именно в этом можно найти единственную и последнюю надежду на духовное изменение, как индивидуального, так и коллективного существования. Однако и здесь человек столкнулся с огромными трудностями преодоления обыденной жизни и обыденного сознания. Даже великие святые в каких-то своих проявлениях оставались обыденными людьми, не говоря уже о простых смертных. В своей массе люди, даже «вскормленные исключительно религиозной пищей» [17, с. 314], были не готовы в своей жизни все время «ходить под Богом». В результате возникало обыденное религиозное массовое сознание со всеми своими обычными предрассудками и заблуждениями, с которыми так яростно боролся прп. Симеон Новый Богослов (949–1022) и другие подвижники духовной жизни. И сегодня можно наблюдать эти тенденции обыденноизации духовных идеалов религии, как и тысячу лет тому назад. Ничего не изменилось.

Надежда состоит только в том, что христианство является религией, в которой человек спасается и преобразуется не своими собственными силами, а силою воскресшего из мертвых Иисуса Христа. Апостол Павел поясняет, «что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» [3, Рим. 8, 38–39]. Вывод из этой цитаты очевиден: не может отделить человека от Бога и обыденное сознание. От людей требуется лишь искренняя Вера, Надежда, Любовь и сознательные усилия к благочестивой жизни в меру отпущенных ему Богом сил. Бог хочет всем спасения.

Обычный человек не может и не хочет полностью порвать со своей повседневной

жизнью. И в этом нет ничего плохого в том смысле, что степень «нормальности» у каждого человека своя, что все люди в некотором смысле «ненормальные». В отличие от животных, имеющих свой естественный закон жизни, мы можем стать тем, чем пожелаем. Но, как учит Православная Церковь, мы *должны* в этой земной жизни хотя бы заложить основы для духовного преобразования и стать богами по усыновлению, по благодати, должны стать народом Божиим, родом избранным, народом святым, «дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» [3, 1 Пет. 2, 9]. Сегодня важно вспомнить этот исторический опыт духовного преобразования человека [12; 13; 14]. От того, насколько эффективно нам удастся это сделать, будет зависеть и наше будущее.

Список литературы

1. Авдеенко Е.А. «Античная культура» в современной классической гимназии // Опыты православной педагогики. – М.: Русский Хронограф, 1999. – С. 3–176.
2. Ауробиндо Шри. Человеческий цикл. – СПб., 1999. – 304 с.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Издание Московской Патриархии, 1988. – 1375 с.
4. Вивекананда Свами. Философия йога. – Магнитогорск: Амрита, 1992. – 512 с.
5. Гомер. Илиада. Одиссея. – М.: Художественная литература, 1967. – 767 с.
6. Котенева А.В. Печаль и горе: пути и способы их преодоления (на материале эпических поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея») // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2013. – Т. 19, № 4. – С. 152–155.
7. Куманецкий Казимеж. История культуры Древней Греции и Рима. – М.: Высшая школа, 1990. – 351 с.
8. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Высокая классика. – М.: Искусство, 1974. – 598 с.
9. Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика I–II вв. н.э. – М.: МГУ, 1979. – 415 с.
10. Лосев А.Ф. Классическая калокагатия и ее типы // Вопросы эстетики. – М.: 1960. – Вып. 3. – С. 411–475.
11. Урбах Э.Э. Мудрецы Талмуда. – Израиль: Б-ка-Алия, 1986. – 483 с.
12. Чельшев П.В. Обыденное сознание или не хлебом единым жив человек. – М.: МГГУ, 2007. – 359 с.
13. Чельшев П.В. Преподобный Симеон Новый Богослов о духовном преобразении человека. – М.: Храм святого великомученика Димитрия Солунского, 2004. – 256 с.
14. Чельшев П.В. Обыденное сознание как фактор жизни. – М.: МГГУ, 2006. – 26 с.
15. Шестов Л. Memento mori: (По поводу теории познания Эдмунда Гуссерля). Предисл. к кн.: Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – Новочеркасск: Сагуна, 1994. – С. 5–48.
16. Шпенглер Освальд. Закат Европы. Очерк мифологии мировой истории. – М.: Мысль, 1993. – Т. 1. Гештальт и действительность. – 663 с.
17. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 21. – С. 269–317.
18. Ясперс Карл. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994. – 527 с.